

Содержание файла:

- 1) Текст **Екимова** про бабу Катерину. (темы: 7, 12, 13)
- 2) Текст **Астафьева** про глухаря (темы: 1, 8)
- 3) Текст **Мизерова** про Кольку (темы: 7, 12, 13, 14)
- 4) Текст **Симонова** про командира дивизии / **Васильева** про старуху и сыновей (тема 6)
- 5) Текст **Паперного** про человека в городе (тема 8, 13)
- 6) Текст **Соломко** про родину и память (тема 10)
- 7) Текст **Пьецух** про книгу и писательство (темы: 2, 3, 4)
- 8) Текст **Гранина** про учителя (темы: 11, 14)
- 9) Текст **Нечипоренко** про вишню (темы 12, 14)
- 10) Текст **Тэффи** про нежность (темы: 7, 13)
- 11) Текст **Фенько** про деньги (темы: 7, 8, 14)
- 12) Текст **Искандера** про театр / **Казакова** про писателя (тема 3)
- 13) Тест **Бим-Бада** про выбор (тема 14)
- 14) Текст **Вартановой** про медиасреду и гаджеты / **Кулакевич** про телевизор / **Измайлова** про массовую литературу (темы: 2, 8)
- 15) Тексты про язык
  - Штампы (текст **Аграновского**)
  - Канцелярит (текст **Норы Галь**)
  - Порча языка (текст **Кронгауза**)
  - Заимствования (текст **Казначеева**)
  - Состояние общества (текст **Костомарова**)
  - Категория красоты (текст **Бондарева**)
  - Менталитет / язык и нация (текст **Битова**)

ТЕКСТ 1

(1) Бабка Катерина, иссохшая, горбатенькая от возраста старушка, никак не могла собраться для отъезда.

(2) Последние годы она уезжала зимовать к дочери в город. (3) Возраст: трудно каждый день печку топить да воду носить из колодца. (4) По грязи да в гололёд. (5) Упадёшь, расшибёшься. (6) И кто поднимет?

(7) Но с хутором, с гнездом насиженным нелегко расставаться. (8) Да и о доме душа болела. (9) На кого его оставишь?

(10) Вот думала: ехать, не ехать?.. (11) А тут ещё телефон привезли на подмогу - «мобилу». (12) Долго объясняли про кнопки: какие нажимать, а какие не трогать. (13) Обычно звонила дочь их города, по утрам.

(14) Запоёт весёлая музыка, вспыхнет в коробочке свет.

- (15) Мама, здравствуй! (16) Ты в порядке? (17) Молодец. (18) Вопросы есть? (19) Вот и хорошо. (20) Целую. (21) Будь-будь.

(22) Не успеешь опомниться, а уже свет потух, коробочка смолкла

(23) А тут, то есть в жизни хуторской, стариковской, было много всего, о чём рассказать хотелось.

- (24) Мама, слышишь меня?

- (25) Слышу!.. (26) Это ты, доча? (27) А голос будто не твой. (28) Ты не хвораешь? (29) Гляди одевайся теплей. (30) Здоровье береги.

- (31) Мама, - донеслось из телефона строгое. - (32)Говорит по делу. (33)Мы же объясняли: тариф.

- (34) Прости Христа ради, - опомнилась старая женщина. (35)Её ведь предупреждали, когда телефон привезли, то он дорогой и нужно говорить короче - о самом главном.

(36) Но что в жизни главное? (37)Особенно у старых людей.

(38) Прошёл ещё один день. (39)А утром слегка подморозило. (40)Деревья, кусты и сухие травы стояли в лёгком белом пушистом инее. (41)Старая Катерина, выйдя во двор, глядя вокруг, на эту красоту, радуясь, а надо бы вниз, под ноги глядеть. (42)Шла-шла, запнулась, упала. Больно ударившись о корневище груши.

(43) Неловко начался день, да так и не пошёл на лад.

(44) Как всегда поутру, засветил и запел телефон мобильный.

- (45) Здравствуй, моя доча, здравствуй. (46)Одно лишь звание, что жива. (47)Я нынче так ударилась, - пожаловалась она. - (48)Не то нога подвернулась, а может, скользко. (48)Где, где. (49)Во дворе, пошла воротца отворять, а там груша. (50)Я из неё компот варю. (51)Ты его любишь. (52)А то бы я её давно убрала. (53)Возле этой груши.

- (54) Мама, говори, пожалуйста, конкретней. (55)О себе, а не о груше. (56)Не забывай, что это мобильник, тариф. (57)Что болит? (58)Ничего не сломала?

- (59) Вроде бы не сломала, - всё поняла старая женщина. - (60)Приложила капустный лист.

(61)На том и закончился с дочерью разговор. (62)Остальное самой пришлось досказывать. (63)И от мыслей разных старая женщина даже всплакнула, ругая себя: «Чего ревёшь?..» (64)Но плакалось. (65)И от слёз вроде бы стало легче.

(66)А в обеденный неурочный час, совсем неожиданно, заиграла музыка и засветился мобильный телефон. (67)Старая женщина испугалась:

- (68) Доча, доча, чего случилось? (69)Не заболел кто? (70)Ты на меня, доча, не держи обиду. (71)Я знаю, что дорогой телефон, деньги большие. (72)Но я ведь и вправду чуть не убила.

(73) Издалека, через многие километры, донёсся голос дочери:

- (74) Говори, мама, говори.

- (75) Прости, моя доча. (76)Ты слышишь меня?..

(77)В далёком городе дочь её слышала и даже видела, прикрыв глаза, старую мать свою: маленькую, согбенную, в белом платке. (78)Увидела, но почувствовала вдруг, как всё это зыбко и ненадёжно: телефонная связь, видение.

- (79)Говори, мама, - просила она и боялась лишь одного: вдруг оборвётся и, может быть, навсегда этот голос и эта жизнь. - (80)Говори, мама, говори.

(По Б. Екимову*)

ТЕКСТ 2

(1)В клетке зоопарка токовал глухарь. (2)Днем.(3) Прилюдно. (4)Клетка величиной в два-три письменных стола являла собой и тюрьму, и «тайгу» одновременно.

(5)Глухарь в неволе иссох до петушиного роста и веса, перо в неволе у него не обновлялось, только выпадало, и в веером раскинутом хвосте не хватало перьев, светилась дыра, шея и загривок птицы были словно в свалявшейся шерсти. (6)И только брови налились красной яростью, горели воинственно, зоревой дугою охватив глаза, то и дело затягивающиеся непроницаемой, слепой пленкой. (7)Перепутав время и место, не обращая внимания на скопище любопытных людей, пленный глухарь исполнял

назначенное ему природой — песню любви. (8)Неволя не погасила в нем вешней страсти и не истребила стремления к продлению рода своего. (9)Он неторопливо, с достоинством бойца, мешковато топтался на тряпично-вялой траве меж кочек, задирает голову и, целясь клювом в небесную звезду, взывает к миру и небесам, требовал, чтоб его слышали и слушали. (10) И начавши песню с редких, отчетливых щелчков, все набирающих силу и частоту, он входил в такое страстное упоение, в такую забывчивость, что глаза его снова и снова затягивало пленкой, он замирал на месте, и горло его, раскаленное ещё, продолжало перекатывать, крошить камешки на осколки.

(11)В такие мгновения птичий великан глохнет и слепнет, и хитрый человек, зная это, подкрадывается к нему и убивает его. (12) Убивает в момент весеннего пьянящего торжества, не давши закончить песню любви.

(13)Глядя на невольника-глухаря, я подумал, что когда-то птицы-великаны жили и пели на свету, но люди загнали их в глушь и темень, сделали отшельниками, теперь вот и в клетку посадили. (14)Оттесняет и оттесняет человек все живое в тайге газонептепроводами, электротрассами, нахрапистыми вертолетами, беспощадной, бездушной техникой дальше, глубже. (15)Но велика у нас страна, никак до конца не добить природу, хотя и старается человек изо всех сил, да не может свалить под корень все живое и под корень же свести не лучшую ее частицу, стало быть, себя. (16)Обзавелся вот «природой» на дому, приволок её в город — на потеху и для прихоти своей. (17)Зачем ему в тайгу, в холодную ночь, по колено, а где и по пояс в воде переть на ток. (18)Он здесь получит удовольствие, за два гривенника насмотрится на зверей, послушается рёву, песен и стонов. (19)Обойдя огромный зоопарк, я возвращался в подавленном настроении — звери в неволе были болезненно вялы, полуоблезлы, в свалявшейся шерсти и проплешинах. (20)Самые вольные и грозные звери выглядели совсем жалко. (21)Волки смотрели сквозь решетки отстраненными глазами, в которых была такая бездонная тоска, что и не выразить её человеческими словами...

(22)А меня всё что-то тянуло и тянуло к клетке глухаря. (23)Он «оттоковал», сложил свой дырявый хвост, без интереса порылся в кормушке, наполненной хвоей, смесью семян, песком и какой-то скорлупой. (24)Зрители и слушатели, большей частью дети, набросали на пол клетки уличному певцу е и кедровых шишек да орешков, будто в уплату. (25) Глухарь взял в клюв орешек, подержал его и выронил, не раскусив. (26) Посмотрел на людей без осуждения или сквозь них, в пустоту, и поковылял в угол, за искусственно сделанную из коряги засидку...

(27)И угадывалось, явно угадывалось — он все еще видел дальним зрением и неугасшей памятью недосыгаемую тайну, разгорающееся за лесистым болотом небо, нарядных невест, шатающих меж сосен и кочек, осыпанных прошлогодней клюквой. (28)Клёкнул токовник, огляделся, вспомнил, где он, по-стариковски устало опустил на подогнувшиеся лапы, поправил что-то в крыле и задремал...

(По В. П. Астафьеву*)

*Виктор Петрович Астафьев (1924-2001)- русский советский писатель, классик отечественной литературы, автор рассказов, повестей романов.

ТЕКСТ 3

(1)Чаще всего человек ищет свою мечту, но бывает и так, что мечта находит человека. (2)Как болезнь, как вирус гриппа. (3)Вроде бы никогда Коляка Велин не смотрел на небо, затаив дыхание, и голоса птиц, реявших в голубой вышине, не заставляли трепетать его сердце. (4)Он был самым обыкновенным учеником, в меру усидчивым и старательным, в школу ходил без особого задора, на уроках был тише воды, любил рыбачить...

(5)Всё переменялось мгновенно. (6)Он вдруг решил, что станет лётчиком.

(7)В глухой, далёкой деревне, где до ближайшей станции больше ста километров, где любая поездка становится целым путешествием, сама эта мысль казалась безумием. (8)Жизненная стезя каждого человека здесь была ровной и прямой: после школы мальчики получали права на управление трактором и становились механизаторами, а самые смелые оканчивали водительские курсы и

работали в селе шофёрами. (9)Ездить по земле — вот удел человека. (10)А тут летать на самолёте! (11)На Кольку смотрели как на чудака, и отец надеялся, что вздорная идея как-нибудь сама собой улетучится из головы сына. (12)Мало ли чего мы хотим в молодости! (13)Жизнь — жестокая штука, она всё расставит по своим местам и равнодушно, как маляр, закрасит серой краской наши пылкие мечты, нарисованные в юности.

(14)Но Колька не сдавался. (15)Ему грезились серебристые крылья, несущие его над влажным снегом облаков, и густой упругий воздух, чистый и холодный, как родниковая вода, наполнял его лёгкие.

(16)После выпускного вечера он отправился на станцию, купил билет до Оренбурга и ночным поездом поехал поступать в лётное училище. (17)Проснулся Колька рано утром от ужаса. (18)Ужас, будто удав, сдавил его окоченевшее тело холодными кольцами и впился своей зубастой пастью в самую грудь. (19)Колька спустился с верхней полки вниз, посмотрел в окно, и ему стало ещё страшнее. (20)Деревья, выступавшие из полумглы, тянули к стёклам кривые руки, узкие просёлки, словно серые степные гадюки, расползались по кустам, и с неба, заполненного до краёв клочьями ободранных туч, фиолетово-чёрной краской стекал на землю сумрак. (21)Куда я еду? (22)Что я там буду делать один? (23)Кольке представилось, что сейчас его высадят и он окажется в беспредельной пустоте необитаемой планеты...

(24)Приехав на вокзал, он в тот же день купил билет на обратную дорогу и через два дня вернулся домой. (25)К его возвращению все отнеслись спокойно, без издёвки, но и без сочувствия. (26)Денег, потраченных на билеты, немного жаль, зато съездил, посмотрел, проверил себя, успокоился, теперь выбросит из головы всякий вздор и станет нормальным человеком. (27)Таковы законы жизни: всё, что взлетело вверх, рано или поздно возвращается на землю. (28)Камень, птица, мечта — всё возвращается назад...

(29)Колька устроился в лесхоз, женился, сейчас растит двух дочек, в выходные ходит на рыбалку. (30)Сидя на берегу мутной речушки, он смотрит на бесшумно летящие в небесной вышине реактивные самолёты, сразу определяет: вот «МиГ», а вон «Су». (31)Сердце его стонет от щемящей боли, ему хочется повыше подпрыгнуть и хотя бы разок глотнуть той свежести, которой небо щедро поит птиц. (32)Но рядом сидят рыбаки, и он пугливо прячет свой взволнованный взгляд, насаживает червячка на крючок, а потом терпеливо ждёт, когда начнёт клевать.

(По С. Мизерову*)

* Сергей Викторович Мизеров (род. в 1958 г.) — российский писатель, публицист.

ТЕКСТ 4

Ни одна работа на свете не поглощает человека так целиком, как работа войны. И вдруг, когда он сегодня в первый раз, еще не вслух, а про себя, прочел шестинедельные итоги боев, он ощутил весь тот истинный масштаб событий, который обычно скрадывался повседневными заботами, с утра до ночи забивающими голову командира дивизии. Его дивизия была всего-навсего малой частью того действительно огромного, что совершилось за последние шесть недель и продолжало совершаться. Но это чувство не имело ничего общего с самоуничтожением; наоборот, это было возвышавшее душу чувство своей хотя бы малой, но бесспорной причастности к чему-то такому колоссальному, что сейчас еще не уместается в сознании, а потом будет называться историей этой великой и страшной войны. А хотя почему - потом? Это уже и сейчас история.

- На, прочти еще раз вслух, - сказал Серпилин, отодвигая стакан с чаем и протягивая листки Пикину. Пикин читал номера окруженных и разбитых немецких дивизий, цифры уничтоженных и взятых орудий, танков, самолетов, цифры километров, пройденных войсками Сталинградского, Донского, Юго-Западного и Воронежского фронтов, южнее, севернее и западнее Сталинграда, на Верхнем и Среднем Дону, на Калитве и Чире, в донских и калмыцких зимних степях... Монотонный голос Пикина звучал торжественно и грозно, а у Серпилина на душе творилось что-то странное.

То, что он слышал в чтении Пикина, было как гул, как что-то далекое, грозное и нарастающее, на фоне чего только и могли существовать мысли о собственной дивизии и этих двух людях, сидевших перед ним.

Для того чтобы теперь все вышло так, как читал Пикин, их дивизия должна была еще раньше, до этого, совершить все, что выпало на ее долю. А если бы она этого не сделала, то всего, что теперь было, не могло быть.

Да, она сейчас стояла и ждала своего часа, и они наступали там, в крови и дыму. Но для того чтобы они могли сейчас, зимой, наступать там, она все лето и осень подставляла себя под миллионы пуль и десятки тысяч снарядов и мин, ее давили в окопах танками и живьем зарывали в землю бомбами. Она отступала и контратаковала, оставляла, удерживала и снова оставляла рубежи, она истекала кровью и пополнялась и снова обливалась кровью.

О нем говорят, что он умеет беречь людей. Но что значит - "беречь людей"? Ведь их не построишь в колонну и не уведешь с фронта туда, где не стреляют и не бомбят и где их не могут убить. Беречь на войне людей - всего-навсего значит не подвергать их бессмысленной опасности, без колебаний бросая навстречу опасности необходимой.

А мера этой необходимости - действительной, если ты прав, и мнимой, если ты ошибся, - на твоих плечах и на твоей совести. Здесь, на войне, не бывает репетиций, когда можно сыграть сперва для пробы - не так, а потом так, как надо. Здесь, на войне, нет черновиков, которые можно изорвать и переписать набело. Здесь все пишут кровью, все, от начала до конца, от аза и до последней точки... И если превысить власть - это кровь, то и не использовать ее в минуту необходимости - тоже кровь. Где тут мера твоей власти? Ведь все же чаще не начальство или, на худой конец, трибунал определяют ее задним числом, а ты сам, в ту минуту, когда приказываешь! Начальство потом в первую голову считается с тем, чем кончилось дело, - успехом или неудачей, а не с тем, что ты думал и чувствовал, превышая свою власть или, наоборот, не используя ее.

Многие из тех решений и приказаний, в соответствии с которыми он обязан был действовать летом и осенью, казались ему сейчас не самыми лучшими, неверными, неоправданными. Но все же в конце концов в итоге все, вместе взятое, оказалось оправданным, потому что привело к той победе, о которой напоминал монотонный голос Пикина, уже подходившего к концу и читавшего теперь названия фронтов и фамилии командующих.

Да, оправдано. Но люди, люди!.. Если бы всех их оживить и посадить вокруг...

Он ощутил у себя за спиной молчаливую толпу мертвых, которые уже никогда не услышат того, что он слышит сейчас, и почувствовал, как слезы подступают к горлу.

(К. М. Симонов)

ИЛИ

(1) В те времена домик — старенький, чёрный, скособоченный, под ржаной крышей — торчал среди новеньких пятиэтажек. (2) С каждым месяцем всё ближе и ближе подбирались к нему строители и в конце концов зажали с трёх сторон. (3) Кто-то уже свалил забор, кто-то спалил его на весёлом костре, кто-то случайно сгрузил возле входной двери бетонные плиты, а домик стоял упрямо и несокрушимо, и хозяева его по-прежнему упорно отказывались переезжать куда бы то ни было. (4) Впрочем, хозяев не было, была хозяйка — Мария Тихоновна Лукошина. (5) До той поры Семён Митрофанович как-то мало с ней встречался. (6) Раз он к ней официально ходил, как представитель, поскольку от строителей поступила жалоба, что старуха уезжать не хочет, домишко ломать не даёт и вообще всячески мешает прогрессу на данной улице. (7) Но и в тот день Семёна Митрофановича пустили не дальше порога, и разговор поэтому получился насквозняке.

— (8) Отказываетесь, значит, гражданка Лукошина Мария Тихоновна?

— (9) Дайте помереть спокойно.

— (10) Но ведь вам, Мария Тихоновна, предлагается отдельная однокомнатная квартира в новом доме со всеми удобствами. (11) Вы подумайте только: вам, одинокому человеку, наше государство даёт целую квартиру!

— (12) Дайте помереть спокойно.

— (13) Выселим, гражданка Лукошина, силой ведь придётся...

(14) До сих пор он того разговора простить себе не мог.

(15) Вот на следующий день утром всё и случилось. (16) Получил бульдозерист наряд, подогнал машину к дому, постучал вежливо:

— Эй, хозяйева, вытряхайтесь! (17) Полчаса на сборы — и вонзаюсь я в вашу трухлявую жизнь!

(18) Не отвечали в доме. (19) Стучали, кричали — молчал дом. (20) Молчал, пока прораб не приказал двери выломать. (21) Только взялись за них: распахнулись эти двери, как в сказке. (22) И Баба-яга на пороге. (23) Молча крик весь выслушала и вроде не поняла: смотрела спокойно, за вещи не хваталась и даже не плакала.

— (24) Ломать вас буду, бабуса, — сказал бульдозерист.

(25) Поглядела на него угольями своими.

— (26) Не бабуса я, — сказала. — (27) Не бабуса, не мамаша, не свекровь — просто старая Женщина.

— (28) Ломай! — закричал прораб. — (29) И так полдня потеряли!

— (30) Как же можно так! — зашумели девчонки-маляры. — (31) Права не имеете ломать! (32) Перевезти сначала человека надо!.. (33) Давайте, бабушка, мы вам поможем...

— (34) Не надо, — сказала Баба-яга. — (35) Ничего не надо.

(36) И ушла в дом. (37) И пропала. (38) Прораб, плюнув, к себе пошёл, маляры на обеденный перерыв, а бригадир сказал бульдозеристу:

— Встряхни домишко — она враз выскочит.

(39) Однако старуха сама вышла. (40) Вышла, как давеча: в домашнем халате, только портреты в руках. (41) В рамках портреты, четыре штуки.

— (42) Ломайте.

— (43) А вещи? — закричал бульдозерист.

— (44) Какие вещи? (45) Глупости вы говорите. (46) Ломайте, и всё. (47) Только я погляжу.

(48) Села на плиты и портреты рядом сложила.

— (49) Иконы, что ли, спасаешь, бабка?

— (50) Иконы, — сказала. — (51) Святые мученики великорусские: святой Владимир, святой Юрий, святой Николай и святой Олег. (52) Живыми сгорели под деревней Константиновной двадцать девятого июля сорок третьего года.

— (53) Сыновья? — только и спросил бригадир.

— (54) Сыновья, — ответила, — экипаж машины боевой.

(55) Тихо вдруг стало: бульдозерист двигатель выключил. (56) И сказал тихо:

— В дом идите, бабушка. (57) Пожалуйста.

(58) А сам — в отделение, где всё, как было, и рассказал. (59) Вот тогда-то и включился Семён Митрофанович на последнем, так сказать, этапе. (60) Восемь раз в Архитектурное управление он наведывался; просил, умолял, доказывал. (61) Школу нашёл, где танкисты эти учились, музей там организовал. (62) С частью списался, с деревней Константиновкой: и из части, и из деревни в назначенный день делегации приехали. (63) Матери альбом от части преподнесли и модель «тридцатьчетвёрки», а от деревни четыре урны с землёй. (64) С могилы земля, где все четверо её сыновей, все её внуки и все правнуки лежали.

(65) А стройдетали на другую ночь в иное место перевезли, и забор новый поставили. (66) Это всё просто было, это сами строители сделали.

(По Б. Васильеву)

ТЕКСТ 5

(1)Человек в условиях многолюдства – вот одна из самых животрепещущих тем нашего времени. (2)Человек не с ближним, а с группой, массой, тьмой ближних. (3)Наедине с толпой. (4)Давайте совершим прогулку по Москве и понаблюдаем, как ведёт себя человек в сегодняшнем городе. (5)Редкая поездка по столице обходится без метро. (6)Высокие тяжёлые двери безостановочно хлопают. (7)Плотный паренёк, видимо распрекрасно настроенный, насвистывая что-то, толкает дверь ногой. (8)Богатырское движение! (9)Дверь отлетает, парень ловко проскакивает, но не придерживает её за собой, и она успевает хорошо стукнуть нерасторопную старушку. (10)Та пыталась было проскочить вместе с парнем, но, явно уступая ему в силе и ловкости, не успела. (11)По эскалатору мы спускаемся зигзагообразными перебежками. (12)Известно, что стоять надо справа, проходить слева. (13)Но рекомендация эта соблюдается не всеми, и приходится лавировать между стоящими "как надо" и "как не надо".

(14)Вышли на платформу. (15)Приближается поезд. (16)Нам предстоит сесть в вагон. (17)Операция, казалось бы, немудрёная: сначала пассажиры выходят, затем – входят. (18)Но обратите внимание вон на ту женщину перед дверьми. (19)Она не в силах удержать себя – дожидаться, пока выйдет последний пассажир, и после каждого выходящего делает попытку проскочить в вагон. (20)Поэтому толпа выходит из дверей не плавно, а как-то судорожно – так выливается из опрокинутой бутылки густая позавчерашняя простокваша.

(21)О том, уступать ли место женщине, мы здесь говорить не будем. (22)Картина, в общем, ясная: сидят главным образом мужчины. (23)А если женщины, то либо такие старые, что им уж не уступить невозможно, либо, наоборот, молодые, тренированные, занимающиеся, видимо, спортом, способные опередить и зазевавшегося мужчину...

(24)Итак, человек не с ближним, а наедине с толпой. (25)Может быть, тут вообще неуместно говорить о воспитанности? (26)Мы вынуждены много времени проводить в многолюдных местах, в условиях, далёких от комфорта, тут уж каждый пусть заботится о себе. (27)А по-моему, именно тут и проявляется истинная воспитанность. (28)Воспитанность в наши дни – это прежде всего не безупречность манер (хотя и это, конечно, тоже не минус), а внимание к окружающим. (29)Чем плотнее кольцо людей, сжимающее тебя, тем более внимательным и осторожным, терпеливым и предупредительным должен ты быть.

(По З. Паперному)

ТЕКСТ 6

(1) И опять — вечер, лес, небо над головой... (2) Мальчики и девочки у лесного огня, притихшие, задумавшиеся... (3) Любил Александр Арсеньевич — молодой учитель географии — эти часы в лесу, у огня, с разговорами...

— (4) Да если б не космос, то жить-то совсем бы скучно было! — вздохнул Васильев, глядя кота. — (5) У нас тут все давным-давно открыто, никаких тайн не осталось... (6) И смотреть-то не на что!

— (7) Ой уж! — не согласился кто-то. — (8) Ты в Африке был хотя бы?

— (9) Да ее по телеку сто раз показывали!

— (10) Нет... (11) Вот бы самим бы там побывать... (12) Попутешествовать...

(13) Александр Арсеньевич слушал, смотрел в огонь. (14) Легкое, порывистое пламя металось над прогорающими ветками, превращалось в искры, и они уносились вверх, где начинался ветер, и под ним бормотали темные сосны, вверх, вверх, вверх неслись искры, туда, где загадочно и пугающе молчало небо, все в гроздьях звезд...

— (15) Да здесь-то, конечно, все знакомо, все привычно... — вздохнул Васильев.

(16) Во тьме вдруг тонко и страшно крикнула ночная птица, и все вздрогнули, затихли.

— (17) Какая это птица? — неожиданно спросил Александр Арсеньевич. — (18) Кто знает?

(19) Не знал никто.

— (20) А это какое дерево?

— (21) Сосна.

— (22) А вон то?

(23) Опять никто не знал.

(24) Александр Арсеньевич выдернул из темноты сухой стебель мятлика.

— (25) Как называется?

— (26) Ну, Сан Сенич, ну откуда мы знаем? — удивился Васильев.

— (27) Самое время в Африку ехать! — покачал головой Саня. — (28) Чужестранцы...

(29) Ах, дальние страны, уж больно вы далеко... (30) Что рядом с ними были серые поля, начинавшиеся сразу за городом, и леса по краям разъезженной грязной дороги?..

(31) Семнадцать было Сане, что ли, когда Аристотель — любимый учитель истории и друг семьи — грохнул кулаком по столу и сказал: «Поехали!..» (32) Сентябрь, одиннадцатый класс, какой-то смутно помнящийся разговор о Трансваале... (33) А Саня как раз начитался о героических походах и бредил Южной Африкой: Калахари, Драконовы горы, мыс Доброй Надежды... (34) Что-то он сказал такое — ну, глупость несусветную, вроде: вот бы где родиться и жить! (35) И Аристотель рассвирепел: «Поехали, и я тебе покажу!» — (36) «Куда поехали, зачем поехали? — всполошилась мама Сани, Елена Николаевна. — (37) Матвей, ты с ума сошел, у него одиннадцатый класс!..»

(38) Однако поехали: как-то расписание у Аристотеля удачно подошло, а Сане, хоть и без особой радости, позволено было прогулять понедельник... (39) На Аристотелеву родину поехали, в деревню. (40) Полтора часа самолетом до Москвы, потом — три часа скорым, да еще пять местным, стареньким, грязным поездом... (41) На рассвете были «дома» — в полузаброшенной деревне, где Аристотеля не помнила ни одна живая душа и сам он лишь с трудом нашел место, где стоял когда-то их дом. (42) Тоскливо отчего-то стало юному Сане, и смотреть было не на что: темные избы да поле какое-то... (43) А Аристотель, все злой, все взбудораженный, тащил его на автобус, и опять ехали, ехали куда-то... (44) Саня в автобусе уснул, и такого — сонного, усталого, десять раз пожалевшего о том, что поехал, — вытащил его Аристотель из автобуса и сказал:

— Смотри...

(45) И опять они стояли на раздолбленной, пыльной дороге, опять поле какое-то поднималось вверх, к горизонту, дул откуда-то речной ветер — и смотреть было совершенно не на что опять же...

— (46) Русские стояли там, — шепотом сказал Аристотель. — (47) Неприятель — вон... (48) Смотри внимательно... (49) Дон стал красным от крови...

(50) Но тихо было кругом, поднималось из-за бугра солнце, и все поле да поле... (51) Куликово поле — ни одного кулика, тишина. (52) И Саня, отважный путешественник, избородивший все моря и океаны, водивший свои корабли через «ревущие» сороковые широты, вдруг испугался. (53) Так велик, так пустынен и тих был этот открытый простор, так распахнут, и не спрятаться от него никуда — земля под ногами, небо над головой, а меж ними — даль да ветер...

(54) И снова Саня сидел над картами — неведомая страна, родная, неоткрытая, открывалась ему, завораживая странными именами: Нерль, Ловать, Олым, Мета — так звались здесь реки; Вселуг, Ильмень, Плещеево, Волго — такие были озера... (55) А города, тихие эти, старые города, с именами, знакомыми по учебникам истории... (56) Они были, стояли, и история оказалась вовсе не школьной наукой, за которую можно получить двойку, а живой, продолжающейся жизнью, землёй, на которой жили, которую берегли поколение за поколением...

(57) А теперь в этот ряд встал и Саня — чтобы жить и беречь. (58) И открывать эту землю своим ученикам.

(59) А мальчики и девочки сидели у костра и смотрели в огонь...

(По Н. Соломко)

Наталья Зоревна Соломко (род. В 1950 г.) — российская писательница, автор повестей и рассказов для детей и юношества.

ТЕКСТ 7

(1) Принято считать, что литература человечества началась с древнего шумерского эпоса «Сказание о Гильгамеше». (2) Писалось это сочинение аж в третьем тысячелетии до нашей эры, и, следовательно, изящная словесность будет постарше египетских пирамид.

(3) С тех пор было написано великое множество книг, умных и дурацких, талантливых и не сказать чтобы отмеченных «искрой Божьей», которые (в том-то всё и дело) физически невозможно перечитать.

(4) Спрашивается: а чего, собственно, ради скрипели перьями, может быть, миллионы людей, обременённых даром художественного слова, зачем они недосыпали-недоедали и мучились под пытками синтаксисом, если их сочинения обречены на безвестность, если книги, рождённой в ночной тиши, никогда не коснётся человеческая рука?

(5) С другой стороны, интересно: вот уже пять тысяч лет, как человечество не отстаёт от чтения, хотя у него хлопот, что называется, полон рот (тут тебе и бесконечные междоусобицы, и кризис неплатежей), а он всё почитывает на досуге, словно это, казалось бы, зряшное пристрастие злободневно. (6) Вроде бы и практического толка от этого занятия никакого: всё-таки книжку прочитать - это не то, что делянку под картошку вскопать или починить в доме электропроводку, вроде бы и без того жизнь коротка, как заячий хвост, и глаза портить не годится, и основные вопросы бытия давно закрыты, а людей всё тянет к печатному слову, точно в нём заключена какая-то великая благодать...

(7) Что до первого пункта, то ответ на него таков: люди, обременённые даром художественного слова, пишут потому, что есть такая болезнь - писатель и этот страдалец не может не сочинять. (8) Болезнь эта весьма распространённая, особенно у нас, в России, где писатель двести лет стоял наравне с апостолами, а теперь перешёл на положение городского дурачка, бездельника и недотёпы, который не умеет даже электричество починить.

(9) Другое дело, что бывает писатель, имеющий что сказать городу и миру. (10) А бывает писатель, который только и может, что в письменном виде поделиться с публикой своими наблюдениями над вечерней зарёй, характерами современников, а то и расцветкой бабочки махаона. (11) Но при этом ни того ни другого нимало не интересует, прочитают ли их писанину или не прочитают, признает публика искромётный талант творца или не признает, и даже им неважно, выйдет рукопись в свет или навеки упокоится в ящике письменного стола.

(12) По второму пункту: люди вот уже пять тысяч лет читают книги по той причине, что им от Бога вышло такое внушение - раз своего ума мало, если ты бесчувствен, как сапог, то потрудись освоить хотя бы часть корпуса великой литературы, чтобы приобщиться к великому знанию о жизни и о себе.

(13) И ведь действительно: с мудрым автором связаться через печатное слово - это совсем не то, что выслушать от матери нагоняй за бестолковость и нерадение.

(14) Исключительно по той причине, что большой писатель представляет собой феномен, что он есть высший подвид человека разумного, наделённого способностью мыслить и чувствовать, как никто, его сочинения непременно следует прочитать. (15) Лев Толстой нас вдохновит своим озарением: «Мне говорят, я несвободен, а я взял и поднял правую руку». (16) Чехов насторожит категорическим императивом: «В

человеке всё должно быть прекрасно...» (17) В свою очередь, Достоевский нам сообщит: «Широк, слишком широк русский человек, я бы сузил» и «Красотою спасётся мир».

(18) Следовательно, люди испокон веков тянутся к дельной книге по той причине, что испытывают потребность в общении с самыми светлыми умами, и удовлетворить её не могут ни домашние, ни приятели, ни газеты. (19) Откуда взялась эта потребность, точно сказать нельзя, но можно предположить: таковая заключена в самой природе человека как пожизненного слушателя Высших курсов, как мыслителя и творца. (20) Во всяком случае, очевидно, что книга не нужна ни бабуину, ни ласточке, ни слону, у которого голова в семь раз больше, чем у *homo sapiens*, и только человеку, этому противоестественному существу, неизвестно каким образом и зачем выведенному природой, время от времени бывает желательно почитать. (21) Словом, скорее всего прав поэт Бродский: «Человек - это то, что он читает». (22) По крайней мере, человек - это не так просто, как полагают материалисты, и мыслящие особи должны быть постоянно настороже.

(По В.А. Пьецуху*)

* Вячеслав Алексеевич Пьецух (род. в 1946 г.) - советский и российский писатель.

ТЕКСТ 8

(1) Давно уже хочется написать о школе. (2) Книг об этом написано немало, но мне интересно было бы исследовать одну линию в этой огромной теме — что остается от учителя, от класса в характере человека. (3) Кроме знаний.

(4) Когда учитель ставит отметку ученику, то ведь и ученик одновременно как бы ставит отметку учителю. (5) За справедливость, за объективность. (6) И вместе с отвечающим учеником отметку эту ставит и весь класс. (7) Наша любовь к учителям складывалась из таких отметок. (8) Разумеется, не только из них. (9) Любовь рождалась по-разному.

(10) Наверное, любимых учителей больше, чем талантливых. (11) Талантливым стать нельзя, а вот любимым стать можно. (12) Думая об этом, я вспоминаю бывших своих учителей. (13) Кто из них получал нашу любовь? (14) В десятом классе физику преподавал нам известный профессор, и наше «физическое» воспитание было отличным. (15) Но! (16) Но физику мы полюбили раньше, полюбили благодаря молоденькой учительнице. (17) Кажется, она преподавала тогда первый год и не очень хорошо сама знала некоторые тонкости, но всё равно мы любили её. (18) Вероятно, за то, что она любила нас, за то, что она не скрывала своих промахов и открыто переживала их.

(19) Но может, наиболее важная составляющая нашего чувства возникала из нравственного облика учителя. (20) Вернее, не облика, а нравственного содержания учительства. (21) Наши учителя преподавали нам кроме своих предметов какие-то нравственные начала. (22) И учитель для меня - это прежде всего воспитатель, а значит, и проповедник.

(23) Учитель может и должен учить жить. (24) Я вкладываю в эти слова самые простые понятия.

(25) Простые и понятные, как русские пословицы. (26) Зачем люди трудятся, к чему приводит жадность, почему нельзя врать, почему надо жалеть животных - словом, истины, казалось бы, элементарные, очевидные, но нужно, чтобы они были произнесены.

(27) Убедился я и в том, что хороший учитель почти всегда создает и дружный хороший класс. (28) И за это, может, самое большое спасибо учителям. (29) Потому что школьные друзья - дорогое богатство каждого из нас.

(30) Спустя десятилетия, вспоминая об учителях моей школы, вижу, как многим хорошим я обязан им.

(31) Вспоминаются не знания, не предметы, а то человеческое, что вкладывали в нас.

(По Д. Гранину)

ТЕКСТ 9

(1) Детство у меня было замечательным. (2) В детстве не было денег, не было интересной работы, но всё это — дело наживное. (3) Зато в детстве были отец и мать.

(4) В нашей семье всегда царил отец со своим непререкаемым авторитетом. (5) В мальчишеских играх не было места матери. (6) Конечно, без её завтраков, обедов и ужинов я не мог бы жить, но это было так обыденно, что и незаметно... (7) Нежности не были приняты в нашей семье. (8) Мы не целовали маму перед сном и не говорили в порыве чувств:

— Я тебя люблю...

(9) Сказал ли я ей это хотя бы раз? (10) Жизнь была так заполнена важными делами, что не оставалось места обычным: забежал домой на минутку, перекусил — и опять туда, где друзья, игры и страсти. (11) На девяносто процентов я состоял из маминых забот, но не замечал их, как не чувствуем мы и совсем не видим воздуха, которым дышим.

(12) Мы с мамой жили рядом, но словно в разных мирах. (13) Эти миры соприкоснулись лишь однажды, когда случилась история, оказавшаяся интереснее всех приключений и затей: игры в футбол, стрельбы из самопала и запусков ракет.

(14) Обычно мама проводила время у плиты, в ванной или на диване — за чтением книг, помню, плакала над «Бедными людьми» Достоевского. (15) Но иногда она вдруг вскакивала с дивана, полная энергии и готовая к подвигам. (16) Её манила деловая активность, мама была полна самых смелых бизнес-планов. (17) Она любила приговаривать: «Жили бедно — хватит!» (18) Но бизнес её обычно ограничивался мечтами и смехом. (19) Она делилась с близкими своими планами, а те поднимали её на смех. (20) И напрасно, потому что главное для автора проекта — уверенность в себе, а критика близких способна уничтожить ростки самых гениальных начинаний.

(21) И всё же однажды мама смогла увлечь меня своим планом. (22) Речь шла о полёте на самолёте! (23) Мне отводилась роль помощника: утром она покупала на нашем базаре три ведра вишен, мы садились на самолёт и через полчаса уже оказывались в областном центре, где эти же вишни можно было продать с немалой выгодой! (24) Перспектива полетать на самолёте показалась мне столь заманчивой, что я решил поддержать маму наперекор всем сомнениям.

(25) В шесть часов утра мы, помогая друг другу, перекладывая вёдра с купленной вишней из руки в руку, дотащились до аэродрома. (26) На голом поле стоял вагончик и ночевала пара зелёных «кукурузников». (27) Мы забрались в брюхо самолётика, поставили под ноги вёдра и после короткого разбега с ужасным тарахтением взмыли в воздух. (28) Не поднимались мы выше облаков, но и от той высоты в пару сотен метров, на которой проходил полёт, дух захватило. (29) Зелёная земля висела под нами, округлившись по краям и покачиваясь из стороны в сторону, как огромная ёлочная игрушка — шар на ниточке. (30) Под нами бежали поля и луга до тех пор, пока мы не увидели внизу трубы и дома большого города. (31) Со свистом в ушах, держа в трясущихся руках вёдра вишен, ступили мы на бетонное поле аэродрома.

(32) Конец нашего бизнес-проекта был бесславным: оказалось, что здесь на центральном рынке вишни идут по той же цене, что и на нашем базаре. (33) Сейчас мне кажется, что это было самое удачное мамино предприятие, самое удачное начинание: деньги, вложенные в этот проект, обратились в чувства. (34) Нас с мамой связало дело, в котором соприкоснулись миры взрослых и детей и благодаря которому я могу сейчас ощутить её характер, в своём: я так же люблю читать и мечтать о великих делах, а потом так же вскакиваю и отправляюсь штурмовать небо в поисках лучшей доли на рынке нынешнего дня. (35) Разве что вишней не торгую...

(36) Но понимать это я стал только сейчас, повзрослев. (37) Когда я вспоминаю эту историю, меня охватывает желание оказаться в детстве, найти там маму и сказать ей то, чего никогда не говорил, что не было принято говорить у нас в семье, но что подразумевалось, как воздух вокруг нас:

— Спасибо, мама, я тебя люблю.

(38) Теперь я могу сказать это только во сне, и, поднимаясь вверх, как на «кукурузнике», я опять вижу под собою землю, которая покачивается и закругляется по краям... (39) Рядом со мной мама, мы обмениваемся взглядами. (40) Мы летим на самолёте, мы полны радужных планов. (41) На двоих у нас три ведра небесных вишен.

(По Ю. Нечипоренко)

ТЕКСТ 10

(1) Нежность — самый кроткий, робкий, божественный лик любви. (2) Любовь-страсть — всегда с оглядкой на себя. (3) Она хочет покорить, обольстить, она хочет нравиться, она охорашивается,

подбоченивается, мерит, всё время боится упустить потерянное. (4)Любовь-нежность всё отдаёт, и нет ей предела. (5)И никогда она на себя не оглянется, потому что «не ищет своего». (6)Только она одна и не ищет. (7)Но не надо думать, что чувство нежности принижает человека. (8)Наоборот. (9)Нежность идёт

сверху, она заботится о любимом, охраняет, опекает его. (10)А ведь опекать и охранять можно только существо беззащитное, нуждающееся в опеке, поэтому слова нежности — слова уменьшительные, идущие от сильного к слабому.

(11)Нежность встречается редко и всё реже. (12)Современная жизнь трудна и сложна.

(13)Современный человек и в любви стремится прежде всего утвердить свою личность. (14)Любовь — единоборство.

— (15)Ага! (16)Любить? (17)Ну ладно же. (18)Засучили рукава, расправили плечи — ну-ка, кто кого?

(19)До нежности ли тут? (20)И кого беречь, кого жалеть — все молодцы и герои. (21)Кто познал нежность — тот отмечен.

(22)В представлении многих нежность рисуется непременно в виде кроткой женщины, склонившейся к изголовью. (23)Нет, не там нужно искать нежность. (24)Я видела её иначе: в обликах совсем не поэтических, в простых, даже забавных.

(25)Мы жили в санатории под Парижем. (26)Гуляли, ели, слушали радио, играли в бридж, сплетничали.

(27)Настоящий больной был только один — злющий старик, поправлявшийся от тифа.

(28)Старик часто сидел на террасе в шезлонге, обложенный подушками, укутанный пледами, бледный, бородатый, всегда молчал и, если кто проходил мимо, отворачивался и закрывал глаза. (29)Вокруг старика, как трепетная птица, вилась его жена. (30)Женщина немолодая, сухая, лёгкая, с увядшим

лицом и тревожно-счастливыми глазами. (31)И никогда она не сидела спокойно. (32)Всё что-то поправляла около своего больного. (33)То переворачивала газету, то взбивала подушку, то подтыкала плед, то бежала греть молоко, то капала лекарство. (34)Все эти услуги старик принимал с явным отвращением. (35)Каждое утро с газетой в руках она носилась от столика к столику, приветливо со всеми беседовала и спрашивала:

— Вот, может быть, вы мне поможете? (36)Вот здесь кроссворд: «Что бывает в жилом доме?».

(37)Четыре буквы. (38)Я записываю на бумажке, чтобы помочь Сергею Сергеевичу. (39)Он всегда решает кроссворды, и, если затрудняется, я ему прихожу на помощь. (40)Ведь это единственное его развлечение. (41)Больные ведь как дети. (42)Я так рада, что хоть это его забавляет.

(43)Её жалели и относились к ней с большой симпатией.

(44)И вот как-то он выполз на террасу раньше обычного. (45)Она долго усаживала его, укрывала пледами, подкладывала подушки. (46)Он морщился и сердито отталкивал её руку, если она не сразу угадывала его желания.

(47)Она, радостно поёживаясь, схватила газету.

— (48)Вот, Серёженька, сегодня, кажется, очень интересный кроссворд.

(49)Он вдруг приподнял голову, выкатил злые жёлтые глаза и весь затрясся.

— (50)Убирайся ты наконец к чёрту со своими идиотскими кроссвордами! — бешено зашипел он.

(51)Она побледнела и вся как-то опустилась.

— (52)Но ведь ты же... — растеряннo лепетала она. — (53)Ведь ты же всегда интересовался...

— (54)Никогда я не интересовался! — всё трясся и шипел он, со звериным наслаждением глядя на её бледное, отчаянное лицо. — (55)Никогда! (56)Это ты лезла с упорством дегенератки, каковая ты и есть!

(57)Она ничего не ответила. (58)Она только с трудом проглотила воздух, крепко прижала руки к груди и огляделась кругом с такой болью и с таким отчаянием, точно искала помощи. (59)Но кто же может отнестись

серьёзно к такому смешному и глупому горю? (60)Только маленький мальчик, сидевший за соседним столиком и видевший эту сцену, вдруг зажмурился и горько-горько заплакал.

(по Н. А. Тэффи*)

* Надежда Александровна Тэффи (1872—1952) — русская писательница, поэтесса, мемуарист и переводчик.

ТЕКСТ 11

(1)Тема денег представляет собой одну из болевых точек нашего массового сознания. (2)Причём если у взрослых отношение к ним по-прежнему неоднозначное (сказываются старые нравственные установки: деньги — это нечто непристойное), то юное поколение демонстрирует реалистичный подход. (3)«В каждом человеке в большей или меньшей степени хранится любовь к деньгам и власти», — написала отличница одной из столичных школ, где ученикам предложили сочинение на тему «Роль денег в нашей жизни».

(4)Сегодняшние дети гораздо лучше приспособлены к рыночной экономике, чем их родители, и способны чётко объяснить, что такое дефолт и НДС, знают, какой курс доллара и евро. (5)Но вот одного школьника публично оскорбил одноклассник. (6)Конфликт удалось замять благодаря материальной компенсации за «моральный ущерб», и обе стороны остались довольны сделкой. (7)Откуда взялся этот прагматизм? (8)Денежные реформы, бешеная инфляция, стремительное обнищание одних и финансовый взлёт других — всё это происходило на глазах современных детей и стало своего рода нормой. (9)Хорошо известно, что дети адаптируются к новым обстоятельствам быстрее и легче, чем взрослые, потому что главная задача детства — вписаться в мир. (10)А взрослых эта лёгкость порой пугает. (11)Однако на практике почти всем родителям приходится решать морально-этические вопросы, когда речь заходит о карманных деньгах. (12)Кто-то считает, что «деньги испортят ребёнка», и не даёт чаду ни копейки. (13)Кто-то воспринимает текущие карманные расходы ребёнка как некую подачку — самый простой и удобный способ «отделаться» от него, а заодно от своих обязанностей воспитателя. (14)Наконец, третьи предпочитают не снабжать детей определённой, чётко оговорённой суммой, а вводят систему поощрений и наказаний рублём. (15)Это в корне неверно. (16)Выклянчивая у родителей деньги своим примерным поведением, ориентируясь на их настроение, ребёнок усваивает рабскую психологию просителя и приспособленца, а отнюдь не учится рыночным добродетелям — соблюдению контракта или умению планировать расходы. (17)Мало кто сомневается, что в цивилизованной стране должно быть всеобщее медицинское обслуживание и хорошая система образования. (18)Но почему никто не говорит о необходимости пропаганды здорового экономического поведения? (19)Ведь это, можно сказать, основа стабильности общества. (20)...Психологи изучали экономические установки современных москвичей от 17 лет до 71 года. (21)Что касается отношения к зарабатыванию денег и их тратам, то всё зависит от возраста. (22)Те, кому за 35, предпочитают тратить меньше, а зарабатывать больше. (23)Москвичи помоложе выбирают модель западного потребительского общества: много зарабатывать и много тратить. (24)А вот среди самой молодой группы опрошенных (от 17 до 24 лет) велик процент тех, кто настроен много тратить, ничего не зарабатывая сам. (25)И эти настроения в основном характерны для девушек. (26)Во-первых, потому, что возрождается патриархальная модель семейного уклада. (27)И во-вторых, молодёжь в большей степени, чем взрослые, подвержена влиянию рекламы. (28)А та с утра до вечера призывает к одному — тратить, тратить и тратить... (29)Но реалистического отношения к деньгам у молодёжи не формирует никто: ни семья, ни школа, ни общество...

(По А. Б. Фенько*)

*Анна Борисовна Фенько (1919–2005 гг.) — кандидат психологических наук, психолог и журналист, преподаватель психологии.

ТЕКСТ 12

(1) Однажды к нам в класс пришёл актёр нашего городского драматического театра Левкоев Евгений Дмитриевич. (2) Он сказал, что будет вести школьный драмкружок, и отобрал нескольких ребят для участия в постановке по «Сказке о попе и о работнике его Балде» А.С. Пушкина.

(3) Я почему-то был уверен, что роль Балды достанется мне. (4) Когда дело дошло до меня, я со свойственной мне громогласностью спокойно прочитал заданный отрывок.

(5) — Вот ты и будешь Балдой, — сказал Евгений Дмитриевич.

(6) А одного мальчика, Жору Куркулия, который читал с сильнейшим акцентом, он «освободил» от участия в постановке.

(7) Мне даже стало жалко Жору. (8) Ведь Евгений Дмитриевич, освободив его, намекнул, что тот никуда не годится.

(9) — Можно, я просто так побуду? — спросил Жора и улыбнулся без всякой обиды. (10) Евгений Дмитриевич только пожал плечами.

(11) Начались репетиции. (12) После нескольких занятий я вдруг заскучал, почувствовал, что роль Балды мне надоела, и начал играть просто отвратительно.

(13) А между тем Жора Куркулия всё время приходил на репетиции и даже стал как-то необходим. (14) Он первым бросался отодвигать столы и стулья, чтобы очистить место для сцены, открывал и закрывал окна.

(15) Однажды Евгений Дмитриевич предложил ему роль задних ног лошади, и Жора с удовольствием согласился. (16) Он получил свою роль, после того как актёр несколько раз пытался показать мальчику, играющему задние ноги лошади, как выбивать ногами звук копыт, который у мальчика никак не получался.

(17) — Вот так надо, — вдруг не выдержал Жора, выскочил и, топоча ногами, довольно точно изобразил галопирующую лошадь.

(18) На следующей репетиции вдруг из-под задней части лошадиного брюха послышалось радостное ржание. (19) Евгения Дмитриевича это ржание привело в восторг. (20) Он немедленно извлёк Куркулия из-под лошади и несколько раз заставил заржать. (21) Куркулия ржал радостно и нежно, заканчивая храпцом, и в самом деле очень \ "похожим на звук, которым лошадь заканчивает ржание. (22) Так Жора стал играть роль передних ног лошади, которая, помимо умения естественно галопировать, обрела способность абсолютно натурально ржать.

(23) Репетиции продолжались, и я продолжал прикрывать бездарность и даже недобросовестность своего исполнения громогласностью.

(24) Однажды, когда я забыл строчку, лошадь вдруг обернулась в мою сторону и залихватски произнесла нужные слова, вызвав всеобщий смех. (25) Иногда Жора подсказывал и другим ребятам. (26) Видимо, он всю сказку выучил наизусть.

(27) В один прекрасный день, играя с ребятами в футбол, я вдруг заметил, что со стороны школы, отчаянно жестикулируя, к нам бежит Жора Куркулия. (28) Я вспомнил, что мне давно пора на репетицию.

(29) Когда мы пришли, Евгений Дмитриевич вдруг сказал:

(30) — Одевайся, Куркулия! (31) А ты, бывший Балда, будешь на его месте играть лошадь...

(32) Хотя до этого я не испытывал от своей роли никакой радости, я вдруг почувствовал, что глубоко оскорблён и обижен. (33) Обида была так глубока, что мне было стыдно протестовать против роли лошади, ведь всем тогда стало бы ясно, что я дорожу ролью Балды, которую у меня отняли.

(34) Началась репетиция, и оказалось, что Куркулия прекрасно знает текст, а уж играет явно лучше меня. (35) Правда, произношение у него не улучшилось, но Евгений Дмитриевич так был доволен его игрой, что стал находить достоинства и в его произношении.

(36) А когда Жора стал крутить верёвку с какой-то деловитостью и верой, что сейчас он этой верёвкой раскрутит мозги всем чертям, при этом не переставая прислушиваться к тому, что происходит якобы на дне, стало ясно: мне с ним не тягаться.

(37) В довершение всего мой напарник, раньше игравший роль передних ног, теперь запросился на своё старое место, потому что выяснилось, что я галопирую и ржу гораздо хуже его. (38) Так, начав с главной роли Балды, я перешёл на самую последнюю роль задних ног лошади.

(39) На премьере успех у нас был огромный. (40) Когда мы ушли за кулисы, зрители продолжали бить в ладоши. (41) И вдруг неожиданно свет ударил мне в глаза, и новый шквал аплодисментов обрушился на наши головы. (42) Оказывается, Евгений Дмитриевич снял с нас картонный круп лошади, и мы предстали перед зрителями в своих высоких рыжих чулках, под масть лошади.

(43) Ну что же: «Занавес, маэстро, занавес!»

(По Ф. Искандеру)

Фазиль Абдулович Искандер (род. в 1929 г.) — российский прозаик и поэт.

ИЛИ

(1) Я сидел в номере наполненной разными моряками и экспедициями архангельской гостиницы среди развороченных рюкзаков, разбросанных вещей после тяжёлого, ненужного спора о литературе. (2) Я сидел возле окна, подперев голову кулаками, и хорошо становилось на душе от мысли, что завтра нам нужно устраиваться на зверобойной шхуне, чтобы идти потом к Новой Земле и ещё дальше, куда-то в Карское море.

(3) Я был один, всё вспоминал, как мы только что спорили внизу о литературе с местным знатоком, и думал о мужестве писателя.

(4) Писатель должен быть мужествен, думал я. (5) Когда он приступает к работе, против него решительно всё. (6) Против него миллионы написанных ранее книг и мысли о том, зачем же ещё писать, когда про всё это уже было. (7) Против него головная боль и неуверенность в себе в разные дни, и разные люди, которые в эту минуту звонят ему, и всякие заботы, хлопоты, дела, как будто важные, хотя нет для него в этот час дела важнее того, которое ему предстоит. (8) Против него солнце, когда тянет выйти из дому, вообще поехать куда-нибудь, что-то такое повидать, испытать какое-то счастье. (9) И дождь против него, когда на душе тяжело, пасмурно и не хочется работать. (10) Но настоящий писатель работает по десять часов в день.

(11) Наконец он ставит точку. (12) Теперь он пуст, настолько пуст, что уже не напишет больше никогда ни слова, как ему кажется. (13) Ну что ж, может сказать он, зато я сделал свою работу, вот она лежит у меня на столе. (14) И ничего такого до меня не было. (15) Пусть до меня писали Толстой и Чехов, но это написал я. (16) Это другое.

(17) Он вдруг видит, что, скажем, весна прошла, что пронеслось над ним огромное время с того момента, когда он начал работать над своим произведением. (18) Прошёл ледоход, отгремели ручьи, отдымила первая зелень, и колос налился и пожелтел — целый век прошёл, а он прозевал, не видал ничего этого. (19) Сколько случилось в мире за это время, сколько событий со всеми людьми, а он только работал, только и видел свету, что в своих героях. (20) Этого времени ему никто не вернёт, оно прошло для него навсегда.

(21) Но литературная правда всегда идёт от правды жизни, и к собственно писательскому мужеству писатель должен прибавить ещё мужество тех людей, кто в поте лица меняет жизнь на земле, тех, о ком он пишет. (22) Ведь он пишет, по возможности, о самых разных людях, обо всех людях, и он должен их всех повидать сам и пожить с ними. (23) На какое-то время он должен стать, как они, геологом, инженером, лесорубом, рабочим, охотником, трактористом. (24) И писатель сидит в кубрике сейнера вместе с моряками, или идёт с партией через тайгу, или летает с лётчиками полярной авиации, или проводит суда Великим Северным путём.

(25) Писатель должен помнить ещё, что зло существует на земле: войны, физическое истребление, насилие, голод, фанатизм и тупость... (26) Он должен по мере своих сил протестовать против всего этого, и его голос, возвышенный против лжи, фарисейства и преступлений, есть мужество особого рода.

(27) Есть всё-таки и в его работе минуты, когда всё идёт, и то, что вчера не получалось, сегодня получается безо всяких усилий. (28) Когда работа легка и безоглядна, когда писатель чувствует себя мощным и честным. (29) Когда он понимает, что надо писать правду, что только в правде его спасение. (30) Только не надо думать, что твою правду примут сразу и безоговорочно. (31) Но ты всё равно должен писать, думая о бесчисленных неведомых тебе людях, для которых ты в конце концов пишешь. (32) Ведь пишешь ты не для редактора, не для критика, не для заработка. (33) А ты пишешь, потому что помнишь о высоком предназначении слова и о правде. (34) Ты пишешь и думаешь, что литература — это самосознание человечества, самовыражение человечества в твоём лице. (35) Об этом ты должен помнить всегда и ощущать счастье и гордость оттого, что на долю тебе выпала такая честь.

(36) Когда ты вдруг взглянешь на часы и увидишь, что уже два или три, а ты, такой слабый и одинокий в этот час, не спишь и думаешь о целом мире, ты мучительно хочешь, чтобы все люди на земле были счастливы и свободны, чтобы навсегда исчезли войны и бедность, чтобы труд стал необходим всем, как необходим воздух.

(37) Но самое главное счастье в том, что ты не один не спишь этой глубокой ночью. (38) Вместе с тобой не спят другие писатели, твои братья по слову. (39) И все вместе вы хотите одного: чтобы мир стал лучше, а человек человечнее.

(40) У тебя нет власти перестроить мир, как ты хочешь. (41) Но у тебя есть твоя правда и твоё слово. (42) И ты должен быть трижды мужествен, чтобы, несмотря на свои несчастья, неудачи и срывы, всё-таки нести людям радость и говорить без конца, что жизнь должна быть лучше.

(По Ю. Казакову)

Юрий Павлович Казаков (1927—1982 гг.) — русский писатель, один из крупнейших представителей советской новеллистики.

ТЕКСТ 13

(1) Выбирать или не выбирать? (2) Встречал я людей, которые не желают тратить на разрешение бытийных загадок ни времени, ни сил. «(3) Мы живём, чтобы жить. (4) И жить, не омрачая череду наших дней трудными размышлениями. (5) Будем жить, как живётся, как все живут, как получится...» (6) Такие люди не хотят тратить приятно длящегося своего существования ни на что, выходящее за круг усилий по его поддержанию!

(7) Известный психотерапевт Михаил Папуш замечает: «Из тех, кто учится играть на фортепиано, лишь немногие хотят научиться играть хорошо. (8) Гораздо больше тех, кто, по тем или иным причинам, хочет играть «хоть как-нибудь». (9) Это не только про фортепиано. (10) Это про жизнь. (11) Или жизнь проще игры на фортепиано? (12) Есть немало людей, разнообразие жизненного репертуара которых сводится к чередованию «Чижика-пыжика» и «Собачьего вальса», оставляя «Танец маленьких лебедей» в области недостижимой мечты о «высоком». (13) Многие ли хотят хорошо жить, если отличать желание хорошо жить от желания, чтобы хорошо жилось?»

(14) Но наряду с такими «существователями» есть и те, кто напряжённо ищет истину. (15) Как педагогу, мне довелось встречать молодых людей, жаждущих ясного и чёткого ответа на вопрос о высших ценностях жизни. (16) О ценностях, позволяющих отличать добро от зла и выбирать лучшее и достойнейшее.

(17) Мы не можем не выбирать. (18) В самой сердцевине культуры лежит установление различий между знанием, ошибкой и заблуждением, между истиной и ложью.

(19) Как показывают эксперименты современных психологов, группа делает более решительный выбор, чем выбор любого члена группы, опрашиваемого по отдельности. (20) Причина этого в том, что принятие решений всегда основано на принятии некой ответственности.

(21) Высказывая мнение от своего имени, человек взвешивает последствия, принимает на себя ответственность. (22) А когда принимает решение группа, происходит рассредоточение, растекание ответственности. (23) Никто не возражал бы против свободы выбора, если бы не ответственность. (24) Страх ошибиться — страх ответственности за решение.

(25) Ошибка — неотъемлемый атрибут действия и бездействия. (26) Эффективность действий зависит от способности человека предупреждать, находить и исправлять ошибки. (27) Обучение и воспитание во многом предстаёт как профилактика и исправление ошибок.

(28) Умный человек знает, как легко ошибиться. (29) Поэтому он заботится о подтверждении своих мыслей и прислушивается к доводам других. (30) Неразумный же человек, напротив, исходит из весьма простого принципа, что ему одному известна истина. (31) Из этого ему нетрудно заключить, что все, кто не разделяет его мнений, ошибаются.

(32) Люди умные и рассудительные, обсуждая какой-либо спорный вопрос, должны воздерживаться от суждений, пока не подтвердят правоту дела, которое они защищают. (33) Необходимо защищать истину подобающим ей оружием, которым не сумеет воспользоваться ложь: это оружие — ясные и основательные доводы.

(34) Итак, чтобы происходил осознанный выбор самостоятельного человека, нужно научить его не бояться выбирать, думать и пробовать, делать и наблюдать за результатами.

(35) Давайте скажем себе: «Раз уж нам довелось жить, сделаем жизнь достойной. (36) А достойна жизнь ответственная. (37) Не бойтесь выбирать, не страшитесь самостоятельной мысли!»

(По Б. Бим-Баду)

Борис Михайлович Бим-Бад (род. в 1941 г.) — российский педагог, действительный член (академик) Российской академии образования. Доктор педагогических наук, профессор.

ТЕКСТ 14

(1)Мы все носим в себе маленькую частичку «человека медийного»: не можем без телефонов, компьютеров, телевизоров — словом, цифровых гаджетов, и, главное, мы не можем жить без самой информации. (2)«Человек медийный» — это понятие, которое я впервые использовала лет пять назад, хотя многим оно тогда не понравилось и не все с ним согласилось. (3)На самом деле это была своего рода игра с теми определениями, которые уже существовали в медиаисследованиях, в гуманитарной науке. (4)Начало было положено Джоном Локком, его «человеком естественным», и Жаном-Жаком Руссо, его «человеком общественным». (5)В XVIII веке концепция человека активно развивалась, было понятно, что человек не только биологический вид, но и общественное существо, и многие учёные стали это признавать. (6)Джон Локк впервые ввёл понятие «человека естественного», основанное на признании значения практического опыта в формировании человека. (7)Руссо же говорил, что человек не может сформироваться лишь в условиях природы и своего опыта, поскольку он в значительной мере получает опыт в процессе взаимоотношений с социумом.

(8)В XIX веке политэкономы ввели понятие «человека экономического», которое предполагало, что человек в значительной степени рационально формирует свои потребности, исходя из материальных условий и условий потребления. (9)Уже в XX веке во французской социологии появилось понятие «человека социального». (10)Согласно этому подходу, невозможно полностью определять современного человека только через мир вещей, который необходим «человеку экономическому», а нужно учитывать его культурные и духовные запросы, связанные с тем обществом, в котором он живёт. (11)И уже в последние годы учёные всё чаще начали фиксировать возрастающую зависимость мира идей от процессов развития информационно-коммуникационных технологий, от медийной среды.

(12) Медийная среда сейчас невероятно расширилась. (13) Говоря о "человеке медийном", мы подразумеваем связь человека со всем медиапространством, включающим как традиционные формы СМИ в виде газет, журналов и телевидения, так и новые платформы доступа к новым цифровым средам. (14) В этом отношении смартфон — только одна из возможных платформ распространения информации. (15) Если человека оторвать от смартфона, сможет ли он через два дня ощущать себя нормальным человеком? (16) Но можно поставить вопрос и несколько иначе: сможет ли он потерять за эти два дня свою зависимость от медийной среды? (17) Медийный мир стал всеобъемлющим, и сегодня сложно понять, может ли человек из медийного снова стать естественным.

(18) Сама идея "человека медийного" — это идея человека, существование которого напрямую формируется процессом получения, потребления и осмысления информации, предоставляемой медийной средой. (19) Все мы, конечно, разные люди, поэтому в каждом конкретном человеке эта идея реализуется по-разному: кто-то более медийный, кто-то менее. (20) Это не только абстрактные философские рассуждения. (21) Мы сталкиваемся с новой реальностью — человек очень много времени уделяет медиа. (22) Но я думаю, что время, потраченное на медиа, не утекает впустую, если человек включает внимание, свою память, если он использует традиционные способы осмысления полученной информации — в этом случае он формирует новые знания. (23) Однако многие исследователи, учёные и политики упрекают медиасреду в том, что в результате скольжения по информации как раз и снижаются мыслительные, критические способности, ухудшается память. (24) Кроме того, часть времени, и она может быть весьма существенной, отдаётся развлекательным

занятиям. (25) В результате важно не то, сколько времени человек проводит с медиа, а то, каков смысл про-ведения этого времени. (26) Ещё одна проблема состоит в том, что у людей формируется зависимость от медиа, они не могут проводить время без гаджетов или без включённости в поток онлайн-коммуникаций.

(27)Поэтому, формулируя понятие "человека медийного", нужно обратить внимание на то, что меняется не только наше восприятие мира, но и, возможно, даже когнитивные (познавательные) способности человека.

(28)Они могут как усиливаться за счёт того, что сейчас человек перерабатывает огромные объёмы визуальной информации, так и снижаться, ведь от традиционной линейной грамотности мы уходим в сторону грамотности визуальной.

(29)Фактически идеальный человек медийный — это тот, кто справляется с вызовами технологической революции и в области доставки информации, и в области преодоления информационной избыточности.

(Ло Е.Л. Вартановой*)

*Елена Леонидовна Вартанова — российский экономист и социолог; доктор филологических наук, профессор, декан факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова.

ИЛИ

(1) Телевидение вошло в нашу жизнь более полувека назад, и теперь мы уже не можем представить себе ни дня без любимой передачи или сериала. (2) Иногда кажется, что сейчас почти все — даже древние бабушки — с жадностью всматриваются в сюжеты всяких «Чрезвычайных происшествий», запоминают подробности и потом охотно смакуют их с соседками на скамеечке возле подъезда, якобы сетуя на то, какие кошмары творятся вокруг.

(3)Но есть люди, которые почти не смотрят телевизор, особенно все эти «чернушные» передачи: только расстроишься лишний раз. (4) И вот что занятно: чаще всего это были очень успешные, здоровые люди, с которыми общаться — одно удовольствие! (5) Может, это неспроста?

(6)Люди смотрят захлеб, как ссорятся до хрипоты в «Пусть говорят», в нескольких выпусках новостей не отрывают глаз от катастроф, произошедших за день, и думают: «Ну, где в этот раз трянуло, взорвалось, залило?».

(7)Такая «культура» оглушает, выматывает. (8) Может, кому-то хорошо, что собственные проблемы кажутся меньшими, незначительными. (9)Но благодаря этой «замене» отмирают живые эмоции, и мы получаем новый вид человека — бесчувственного, «замороженного» по отношению к себе и своим близким, нервного, издерганного, но все равно тянущегося к экрану, как зомби, в поисках чего-то ещё, что его «заденет», заставит на время почувствовать себя почти живым...

(10)Людям зачем-то нужны шоковые раздражители: измены, торговля детьми, маньяки, вандализм и сенсационные подробности о звёздах. (11) Информация шокирует и цепляет, а завтра её потребитель снова рыщет в поисках переживаний. (12)Дальше происходит привыкание — только шоковые раздражители могут волновать. (13)Это уже зависимость, наркотик.

(14) Сцены насилия на ТВ могут сказаться на психике человека, и в основном это дети и пожилые люди. (15) Они близко к сердцу принимают события. (16) Дети в силу отсутствия человеческого жизненного опыта более чувствительны к такому мощному воздействию, особенно к телепередачам с насилием.

(17) Это не значит, что смотреть телевизор плохо или вредно. (18)Телевидение обучает, расширяет кругозор, развлекает, расслабляет, позволяет наслаждаться прекрасным. (19) Однако даже человек,

понимающий, что надо бы поменьше времени проводить у экрана, зачастую ничего не может с собой поделаться.

(20) Когда на душе светло и радостно, когда есть дело, которому отдаешь все силы и помыслы, то потребности в «чернухе» нет. (21) В человеческой глупости, ненависти, грязи нет ничего необычного. (22) Нужны ли они вам? (23) Решайте сами. (24) Пока окончательно не «подсели» на эмоции, которые ничего хорошего вам не принесут.

(25) А ведь жизнь у нас одна, и есть дела поинтереснее, чем тратить время возле «ящика»...

(По О. Кулакевич)

ИЛИ

(1) «Отправь голову в отпуск!» – такой призыв сплошь и рядом украшает сегодня столичное метро и пригородные электрички, страницы самых популярных газет и журналов и улицы крупнейших городов страны, звучит по радио и на ТВ... (2) Только не подумайте, что эта «беспрецедентная рекламная кампания» направлена на раскрутку высокоградусных напитков. (3) Всё гораздо возвышеннее: «новый формат периодики покоряет Россию!» (4) Теперь благодаря некоему российскому издательству любой обладатель 15 рублей запросто окунётся в мир чувств, спектр которых достаточно широк. (5) Например, книжная серия «Вирази любви» «вскружит Вам голову изощрёнными сюжетными интригами, причудливым переплетением неожиданных поворотов судьбы, расставаний и встреч, переживаний и настоящих чувств, для которых не бывает непреодолимых преград...». (6) Причём новый «бурный роман» обещан читателям еженедельно, и уже есть первые три выпуска – «Звёздное кружево», «Убиться веником» и «Бриллианты из морозилки». (7) Лично меня привлекло название №2: есть в нём некая простота – и в то же время тайна... (8) Правда, аннотация разочаровала: «(9) Убиться веником – что это? (10) Любимое выражение героини или коктейль со свекольным соком? (11) Для того чтобы понять, о чём идёт речь, не обязательно иметь большой опыт общения по Интернету. (12) Умные люди считают, что настоящей любви в чате не место. (13) Какая любовь, если ни разу не видел предмет своей страсти? (14) Только голос и буквы на мониторе... (15) Именно в такой ситуации оказались герои этой истории». (16) Да и к чему эти виртуальные надрывы, если имеется специальная серия «Дыхание страсти», посвящённая вполне земным радостям. (17) Главное – во время чтения «не сбейтесь с ритма!» (18) (Издательство предупреждает!). (19) «У Мэтта Дэвидсона и Джилли Тэйлор много общего: они не просто долго работают в одной рекламной фирме, они оба инициативны, напористы и энергичны. (20) Босс сталкивает их лбами, и они становятся соперниками. (21) Но постепенно враждебность уступает место чему-то иному... (22) И пока Мэтт и Джилли пытаются добиться победы друг над другом в карьерной борьбе, одновременно они воюют сами с собой. (23) Однако в какой-то момент они понимают, что не могут больше думать о работе...» (24) Наверное, воистину гамлетовский выбор «между карьерой и чувствами» персонажей «Соперников» кого-то действительно сойдёт с ритма и даже выбьёт из привычной жизненной колеи, но у меня возникло стойкое ощущение скуки. (25) И уже не захотелось ни «Дороги домой», ни «Готики», ни «По ту сторону» – так называются другие серии, предлагаемые издательством. (26) Даже по 15 рублей за книгоштуку. (27) Охотно верю, что еженедельными темпами издатели добьются своей цели и скоро их мини-романы отправят в отпуск сотни, тысячи, десятки тысяч российских головушек. (28) Вот только слово «отпуск» не совсем точное: привыкание к подобному чтиву чревато более длительными последствиями, и головам грозит не отпуск, а пенсия. (29) Причём по инвалидности. (30) Хотя издательство об этом не предупреждает: наверное, безголовая Россия его вполне устроит. (31) А вас, читатель?

(По П. Измайлову)

ТЕКСТ 15

(1) Каков механизм рождения штампа? (2) Писатель Серафимович сказал, что всё это заезжено, что «избито это и тысячу раз повторялось». (3) Но как же не повторяться: если море синее, его ведь не назовёшь оранжевым, и если луна серебряная, она была такой тысячу лет назад и будет столько же, если не больше! (4) Между тем получается, что все, написавшие «море синее», – штамповщики? (5) Вряд ли. (6) Потому что повторяемость – всего лишь внешний признак штампа. (7) А должен быть какой-то внутренний. (8) Штамп – не эстафетная палочка, передаваемая от одного журналиста другому. (9) И не дорогая реликвия, которая бережно хранится в литературной семье. (10) Другое дело, если бы штампы

рождались сознательно, если бы имелся каталог наиболее употребимых литературными бабушками и дедушками понятий, эпитетов, образов и сравнений, а внуки терпеливо переписывали бы их в свои творения. (11)И то я сказал бы, что истинные ценности хранить не грешно и что эстафетную палочку передавать в иных случаях даже полезно.

(12)Беда, мне кажется, в другом.

(13)Штамп – это прежде всего стереотип мышления, свойство, присущее людям малоспособным, малокультурным и малознающим, спасительное средство, по крайней мере, для тех, кто не умеет или не желает думать, кто берёт готовое. (14) «Домашняя птица? (15) – Курица! (16)Фрукт? (17) – Яблоко! (18)Великий поэт? (19) – Пушкин! (20)Море? (21) – Синее! (22)Луна? (23) – Серебряная!» (24)Всё правильно, но всё готово, замечено с первого взгляда, а иногда и вычитано, отпечатано в голове. (25)С чужой матрицы. (26)Не переварено. (27)Не прошло через мозг и чувства автора. (28)То, что луна не только серебряная, но и молодая, увидят не все, а вот что её «без спутника и выпускать рискованно», увидел один В.Маяковский. (29)И Днепр, конечно, чуден при тихой погоде – допускаю, что кто-то отметит это обстоятельство, но вот то, что «не зашелохнёт, не прогремит», оказалось по силам только Н.В.Гоголю. (30)Стало быть, повторяемость, я думаю, не главный критерий штампа, это всего лишь следствие, причиной которого является стереотип мышления, точнее сказать, бездумность и бесчувственность. (31)Кроме того, штамп – это неспособность к воображению. (32)Беда штампов ещё в том, что они, даже при внешней своей красивости и «складности», не рожают у читателя никаких ощущений, никаких ассоциаций, никаких мыслей. (33)Это писание невидимыми чернилами. (34)Это песня не только без слов, но и без музыки. (35)Шаппы никогда не воспринимаются умом, они всего лишь внешний знак, рассчитанный на стереотипную реакцию.

(По В. А. Аграновскому)

ТЕКСТ 16

(1)Молодой отец строго выговаривает четырёхлетней дочке за то, что она выбежала во двор без спросу и едва не попала под машину. (2) - Пожалуйста, - вполне серьёзно говорит он крохе, - можешь гулять, но поставь в известность меня или маму. (3)Сие - не выдумка фельетониста, но подлинный, ненароком подслушанный разговор. (4)Или серьёзно пишут в статье о работе экипажа космической станции: «Производился забор (!) проб выдыхаемого воздуха». (5)Этот забор не залетел бы в космос, если бы не стеснялись сказать попросту: космонавты брали пробы. (6)Но нет, несолидно! (7)Слышишь, видишь, читаешь такое - и хочется снова и снова бить в набат, взывать, умолять, уговаривать: БЕРЕГИСЬ КАНЦЕЛЯРИТА! (8)Это - самая распространённая, самая злокачественная болезнь нашей речи. (9)Когда-то редкостный знаток русского языка и чудодеев слова Корней Иванович Чуковский заклеил её точным, убийственным названием. (10)Статья его так и называлась - «Канцелярит», и прозвучала она поистине как SOS. (11)Не решаюсь сказать, что то был глас вопиющего в пустыне: к счастью, есть рыцари, которые, не щадя сил, сражаются за честь Слова. (12)Но, увы, надо посмотреть правде в глаза: канцелярит не сдаётся, он наступает, ширится. (13)Это окающий и зловердный недуг нашей речи. (14)Быстро разрастаются чужеродные, губительные клетки - постылые штампы, которые не несут ни мысли, ни чувства, ни на грош информации, а лишь забивают и угнетают живое, полезное ядро. (15)Мы настолько отравлены канцеляритом, что порою начисто теряем чувство юмора. (16)И уже не в романе, а в жизни, в самой обыденной обстановке, человек вполне скромный всерьёз говорит другому: «Я выражаю вам благодарность». (17)Помните, у Виктора Некрасова в Ледовитом океане лодка утлая плывёт и молодой пригожей Тане Ванька песенки поёт? (18)Хорошо поёт, собака, убедительно поёт... (19)Да, объясняться в любви не только стихами, но и прозой надо убедительно, иначе Таня Ваньке не поверит.

(20)А меж тем в сотнях рассказов, романов, очерков, переводных и отечественных, разные люди по разным поводам разговаривают так, что кажется: вот-вот читатели отзовутся знаменитым громогласным «Не верю!» Константина Сергеевича Станиславского... (21)В сотый раз спросим себя: кто же должен прививать людям вкус, чувство меры, бережное отношение к родному языку? (22)А заодно - и уважительное отношение к человеку, с которым разговариваешь? (23)Кто, если не мы сами?!

(По Н. Галь*)

*Нора Галь (настоящее имя Элеонора Гальперина; 1912—1991) — выдающийся литератор, переводчик английской и французской литературы на русский язык.

ТЕКСТ 17

(1)Русский язык в Интернете – это, конечно же, чёрт знает что такое! (2)Но при том это всё равно русский язык.

(3)Начнём с самого простого – с яростной порчи орфографии. (4)Возникла она не в Интернете, но именно в Интернете была поставлена на поток. (5)И наиболее ярко проявилась в так называемом языке падонков и истории со словом превед. (6)Порча орфографии оказалась настолько привлекательной идеей, что сразу овладела умами и стала модной и почти обязательной.

(7)Хорошо известно, что именно орфография помогает легче воспринимать написанное, то есть попросту – быстрее читать. (8)Неправильное написание незначительно задерживает наш взгляд на слове, тормозя процесс чтения в целом. (9)Если таких задержек оказывается много, чтение тормозится не чуть-чуть, а сильно.

(10)На самом деле орфография помогает и быстрее писать, поскольку грамотный человек делает это автоматически. (11)И вот здесь прозвучало ключевое слово: грамотный. (12)Дело в том, что орфография облегчает жизнь далеко не всем, а только грамотным людям. (13)Именно поэтому при любых реформах орфографии и графики страдают прежде всего они. (14)И именно образованные люди сильнее всего сопротивляются таким реформам. (15)Остальные же без орфографии даже немного выигрывают: не надо думать, как писать, да и чтению это не мешает, поскольку привычки к определённому графическому облику слов у них не сформировано. (16)Главное же, что при отсутствии орфографии незнание орфографических правил им абсолютно не вредит, так что их социальный статус сильно повышается. (17)Другая причина привлекательности неправильной орфографии заключается в том, что она придаёт слову дополнительную выразительность. (18)Один мой знакомый объявил, что будет писать жи и ши только с буквой ы – в частности, потому, что «жызнъ более энергична и жызненна, чем жизнь». (19)И по-своему был прав. (20)Однако, будучи грамотным человеком, периодически забывался и срывался на нормативные держишь и пишете.

(21)Безусловно, всевозможные выражения языка падонков – аицкий сотона, афftar жжот и пеши исчо – выразительны и потому так популярны. (22)Кое-кто стал даже говорить о новой неправильной орфографии, то есть новой системе антиправил. (23)На самом деле никакой особой системы нет. (24)По существу, есть лишь одно основное правило: там, где можно написать слово иначе, чем оно пишется, и это не повлияет на его произнесение, – пиши иначе.

(25)Но здесь-то и кроется опасность! (26)По-настоящему неправильно могут писать только очень грамотные люди, которые, во-первых, знают, как писать правильно, а во-вторых, понимают, какие ошибки не искажают произношение. (27)Так, очень трудно поверить в то, что неграмотный человек мог бы написать «превед, кросавчег!», потому что сделаны почти все возможные ошибки. (28)Выразительность же всех этих написаний весьма условна. (29)Они выразительны, пока мы осознаём их необычность и неправильность. (30)По мере привыкания к ним и забывания «правильного прототипа» они станут совершенно обычными, нейтральными написаниями, но правила орфографии мы при этом потеряем безвозвратно.

(31)Меня поразила позиция одного грамотного и вполне образованного человека по этому поводу, сформулированная на одном из форумов: дайте мне самовыражаться в Интернете так, как я хочу, а вот моих детей в школе извольте учить правильному языку и правильной орфографии. (32)Этот человек, увы, не понимает одной простой вещи: то, что для него является игрой, для следующего поколения постепенно превращается в норму. (33)Язык осваивается не только в школе. (34)Возможно, его сын впервые увидит слово афftar именно в Интернете и именно в таком виде. (35)И это окажется его первым и основным языковым опытом, который не перечеркнёшь школьной зубрёжкой.

(По М. Кронгаузу*)

*Максим Анисимович Кронгауз (род. в 1958) – российский лингвист, профессор, автор книги «Русский язык на грани нервного срыва».

ТЕКСТ 18

(1)Идёшь по улице, и вдруг в глаза бросается яркая афиша: «Концерт Земфиры». (2)Рядом кинотеатр приглашает тебя на просмотр новой ленты под названием «Шиза». (3)Захочется перекусить, а на дверях ресторана красуется «Бібліотека». (4)Придёшь домой, берёшь газету, глядь — на первой странице сообщение «Кур\$ валют». (5)Включаешь телевизор, чтобы отвлечься, но и тут назойливо рекламируются охранные системы «Аллигатор». (6)В смятении подходишь к окну, видишь на стене соседнего дома приглашение на «Ве4ер отдыха» и теперь только понимаешь, что тебя обложили со всех сторон.

(7)Обогащается или портится природная речь благодаря заимствованиям — вопрос непростой и неоднозначный. (8)Языковая стихия берёт из окружающего мира всё, что ей нужно, и выбрасывает на берег лишнее. (9)Но когда сплошь и рядом в кириллические устоявшиеся написания внедряются латинские и иные графические символы, то это ведёт не к обогащению языка, а к нарушению его функционирования, к размыванию веками устанавливавшихся норм.

(10)Англо- и иноязычными словами в их натуральном написании сегодня пестрят страницы прессы, эти слова вторгаются в текст, наводняют рекламу. (11)Но одно дело, когда просто употребляется лексика на латинице, и совсем другое, если чужие буквы оказываются внутри слова, ломают его изнутри. (12)Любой юрист подтвердит, что это нарушение гораздо более тяжкое.

(13)Модная певица и производители автосигнализаций, вернее — их агенты по рекламе, используют латинские буквы в формировании и раскрутке образа чаще всего в погоне за оригинальностью. (14)Им кажется: внимание потенциальных потребителей легче привлечь необычным графическим начертанием имени или названия фирмы. (15)Дескать, наш глаз невольно цепляется за неправильное сочетание.

(16)Расчёт, вероятно, оправдывается, но насколько велика его отдача? (17)На мой взгляд, подобный подход к формированию имиджа является довольно поверхностным, примитивным, а главное — становится банальным.

(18)Варианты Земфира (равно как и ГЛЮК'OZA) И «Аллигатор» есть выпендрёж и ненужное искажение письменной формы. (19)Применяя иностранные слова, не стоило заниматься порчей языка. (20)Великий и могучий Алфавит, подаренный нам славянскими святыми Кириллом и Мефодием, принесён в жертву золотому тельцу.

(21)Реальная жизнь, увы, приводит нас к примерам такого рода, и не пришлось бы в близком будущем констатировать свершившийся факт словами Татьяны Бек: «До свидания, алфавит».

(По С. Казначееву)

ТЕКСТ 19

(1)Все знают, что часовая стрелка на циферблате движется, но увидеть, как она движется, нельзя. (2)То же происходит и с языком. (3)Он изменяется. (4)Но мы не чувствуем, как это происходит. (5)Сейчас в нашей истории наступил такой момент, когда мы видим, как меняется русский язык. (6)И это не может не пугать. (7)Мы так хотим во что бы то ни стало отойти от предшествующей эпохи нашей жизни, построить новые общественные отношения, новую экономику, что нам даже хотелось бы иметь новый язык. (8)Когда-то говорили «отмежеваться», теперь – «дистанцироваться», нам надоело выражение «сойти с ума» – мы говорим «крыша поехала». (9)Или разонравилось слово «встреча», стали говорить «тусовка». (10)Русский язык, по словам А.С. Пушкина, «переимчив и общежителен», он легко принимает иностранные слова, если они нужны. (11)И в этом нет ничего страшного, когда всё делается в меру. (12)А мера утеряна. (13)В нашей речи возникают «сэндвичи», «ленчи», «дисплеи». (14)Обычно меняются 20-30 слов в год, а у нас сейчас появляются, может быть, 20 слов в неделю. (15)Кроме того, немаловажно, из каких источников появляются новые слова языка. (16)Сейчас, например, идёт поток слов из довольно сомнительных источников, в частности уголовного жаргона: «разборка», «халява».

(17) Многие печатные органы используют «непечатные» слова, которые, кстати, так и называются, потому что их печатать не надо. (18) В Думе несколько лет обсуждался «Закон о русском языке». (19) Закон, конечно же, нужен. (20) Но если серьёзно говорить о законе, то должен быть и механизм наказания за его нарушение. (21) Однако представляется несерьёзным предложение создать филологическую милицию, учредить штрафы за ошибки в русском языке. (22) Что ни говори, делает язык народ, а его трудно заставить подчиняться административным нормам в отношении языка. (23) Были уже такие тщетные попытки. (24) В своё время, в XIX, да и в XX веке, образцовый язык давала художественная литература. (25) Если человек не знал, как правильно говорить, то он открывал Тургенева и там находил ответ. (26) Сейчас, конечно, не художественная литература формирует наш языковой вкус. (27) Тон задают теперь в первую очередь телевидение и радио. (28) Это касается и произношения звуков, и ударения, и интонации. (29) А современным дикторам нравится американская интонация. (30) И молодёжь начинает им подражать. (31) Бывает, ведущий бог знает что и как говорит, а людям нравится. (32) Это относится, безусловно, не ко всем передачам, каналам, дикторам, но многие из них подвержены моде. (33) Мы сейчас недовольны языком, но здесь очень важно разобраться – язык в этом виноват или что-то другое. (34) Ведь язык подчиняется людям, которые им пользуются. (35) Он приспосабливается к потребностям общества. (36) Если в нашем обществе сегодня существует потребность думать о будущем, о крепкой семье, о счастье детей – то язык пойдёт в эту сторону, будет давать нам средства для этого. (37) Если у нас главное – как, не работая, заработать миллион, то язык повернётся сюда. (38) За что его ругать? (39) Он отражает состояние общества. (40) Так что не язык надо сейчас исправлять.

(По В. Костомарову)

ТЕКСТ 20

(1) Что же такое категория красоты в литературе? (2) Тут возникает миллион вопросов, миллион сомнений.

(3) Красота в отдельных разительных словах? (4) Сравнениях? (5) Метафорах? (6) В ритме?

(7) Или единственная красота – это правда действительности, а литература – лишь вторичное, бледный слепок окружающего мира?

(8) И всё-таки литература – это вторая жизнь, сконцентрированная во времени. (9) Эта увиденная художником глубина истины и есть эстетическая красота в искусстве. (10) Та красота, которая заставляет нас испытывать и чувство восторга, и чувство ненависти. (11) Правда и красота – это познанная сущность характера, явлений, вещей, в которую проник художник сквозь внешнюю их форму.

(12) Каковы же средства познания мира? (13) Главное орудие художника – зрение и слух, реализованные в слове, в мысли. (14) Мысль посредством слова. (15) И слово как выражение мысли. (16) Это нерасторжимо.

(17) Но само по себе слово не может нести всю красоту или некрасоту, не может быть прекрасным или дурным, затёртым или незатёртым только потому, что оно выражает то или иное понятие.

(18) Настоящий художник использует слова, сочетания слов как необходимость, как инструмент, без которого невозможно совершить чудо познания. (19) И дело не в так называемых гладких словах, не в гладкописании фраз. (20) Серьёзная проза не может ставить себе цель быть образцово-показательной, рационально построенной, так что глазу не за что зацепиться. (21) Это ложноклассическое совершенство (во имя ложно понятой красоты) вызывает у нас серую скуку, глаза равнодушно скользят по фразам, ни на чём не задерживаясь, – мы не испытываем волнения. (22) Слово обретает силу только в том случае, если оно отражает действительность. (23) Слово имеет цвет, звук, запах, которые, в свою очередь, обладают энергией, эмоциональностью. (24) Эта же энергия возникает при точной расстановке слов, при точном эпитете, точном глаголе, точно найденном ритме, ярком сюжете самой фразы, ибо каждая фраза аккумулирует сюжет, мысли, чувства, заряд добра и зла, чёрного и белого, отрицания и утверждения, стыдливой иронии или же парадоксальности.

(25)Слово - это собственное «я» художника, реализация его восприятия. (26)Но словами как первоэлементом человеческого общения оперируют все люди, независимо от того, насколько наделены они чувством гармонии, глубины и красоты. (27)Художник же одарён от природы особой способностью изображать на бумаге словами не плоскостной слепок человека, окружающего мира, отдельного предмета, а глубину его, осязаемую, направленную форму, высекающую чувства и мысль, открывающую в человеке все замочки души.

(По Ю. Бондареву*)

*Бондарев Юрий Васильевич (р. 1924) - русский писатель, сценарист, автор многочисленных произведений о Великой Отечественной войне.

ТЕКСТ 21

(1)Впервые в жизни я поймал себя на том, что мне радостно слышать чужую речь. (2)Не понимая языка, я слышал то, чего никогда не слышал в русской, понятной мне речи, а именно: как люди говорят... (3)Как они замолкают и как ждут своей очереди, как вставляют слово и как отказываются от намерения вставить его, как кто-нибудь говорит что-то смешное и — поразительно! — как люди не сразу смеются, как они смеются потом и как сказавший смешное выдерживает некую паузу для чужого смеха. (4)Как ждут ответа на вопрос и как ищут ответ, в какой момент говорят о тебе, ничего не понимающем.

(5)Интересно, что, когда они говорят со мной, то есть говорят по-русски, они никогда не смеются. (6)Стоит им перейти на армянский — сразу смех. (7)Словно смеются над тобой, непонимающим. (8)Так вполне может показаться, пока не поймёшь, что смеяться возможно лишь на родном языке. (9)Мне не с кем было посмеяться в Армении.

(10)Отсмеявшись, они спохватывались. (11)Улыбка смеха таяла и сменялась улыбкой вежливости. (12)Их лица приобретали чрезвычайно умное и углублённое выражение, как бывает в разговоре с иностранцами на плохом языке, когда чем глупее разговор, тем значительнее интонация, а киваний и поддакиваний не сдержать никакими силами...

(13)После таких разговоров ноют мускулы лица и шеи от непривычной, неестественной работы.

(14)Только на родном языке можно петь, писать стихи, признаваться в любви... (15)На чужом языке, даже при отличном его знании, можно лишь преподавать язык, разговаривать о политике и заказывать котлету. (16)Чуть ли не так, что чем тоньше и талантливей поэтическое и живое знание родного языка, тем безнадёжней знание чужого, и разрыв невосполним. (17)Мне не с кем было посмеяться в Армении. (18)И я был счастлив, когда обо мне забывали. (19)Был счастлив журчанием и похрустыванием армянской речи, потому что у меня было полное доверие к говорящим. (20)Антипатия к чужой речи в твоём присутствии — от боязни, что говорят о тебе, и говорят плохо. (21)Откуда эта боязнь — другой вопрос. (22)Переговариваться на незнакомом собеседнику языке считается бестактным прежде всего среди людей, не доверяющих друг другу. (23)Среди дипломатов, допустим. (24)Мы же доверяли друг другу. (25)Более того, мои друзья были настолько тактичны, что при мне договаривались насчёт меня именно на своём, непонятном мне языке, чтобы я не подозревал о всех тяготах организации моего быта: поселения, сопровождения и маршрутов.

(26)Я слушал чужую речь и пленялся ею. (27)Действительно, — что за соединение жёсткого, сухого, прокатистого и удивительно мягкого, и, как сказал бы армянин, «нежьного». (28)«Джур» — вода журчит в камнях, «шог» — жара над этими камнями, «чандж» — муха звенит в этой жаре. (29)И вдруг среди всего этого «лолик» — помидор. — (30)Андрей, что лучше: «журавль» или «крунк»? (31)И действительно, что лучше? (32)Подумать только, «журавль»! (33)И не подозревал, что это красиво. (34)Или — «крунк»... (35)До чего хорошо! (36)Я влюблялся в слова: в армянские благодаря русским и в русские благодаря армянским...

(По А. Битову)